

A book cover featuring a man and a woman in medical scrubs. The woman, in the foreground, has long blonde hair and blue eyes, wearing a purple scrub top with a stethoscope. The man, behind her, has a beard and blue eyes, wearing a teal scrub top. They are in a room with a window showing a sunset and a vase of white flowers on a table to the left.

ГАЛИНА
Колоскова

ИЗМЕНА

Не могу
ТЕБЯ ОТПУСТИТЬ

Галина Колоскова

Измена. Не могу тебя отпустить

«Автор»

2026

Колоскова Г.

Измена. Не могу тебя отпустить / Г. Колоскова — «Автор», 2026

Она видит меня первой. Не отскакивает. Не пугается. Холодные, зелёные, как у кошки глаза — встречаются с моими. В уголках полных губ дрогнула улыбка. Алексей оборачивается. Его лицо белеет.— Оля?..Я не могу издать ни звука. Горло сжалось.— Оля, ты не так поняла! — Он отпускает её руку, делает шаг ко мне. Бормочет нелепые оправдания: — Мы просто... разряжались после операции. Говорили.— В душе? — хриплю пересохшим горлом. — Говорили? С твоей рукой на ней?Катерина нарочито медленно поправляет халат на плече.— Ольга Викторовна, какая может быть ревность?.. — говорит она спокойно, почти снисходительно. — Мы все на нервах. Алексей Игоревич помог мне снять стресс. Как коллега.От намёка на поддержку «коллеги» темнеет в глазах.— Молчи, — шиплю я ей. Смотрю на него: — Ты. С ней. Здесь.— Мы разговаривали! — выдаёт он глупость за глупостью. — Обсуждали тактику! Сложная была операция, ты же понимаешь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Галина Колоскова

Измена. Не могу тебя отпустить

Пролог

Часы показывают половину четвёртого утра. Веки — свинцовые, но пальцы помнят каждое движение. Пять часов я собирала таз и бедро парнишки, упавшего с мопеда. Кость слушалась. Конструкции встали на место с тихим, удовлетворяющим щелчком. Анестезиолог дал отмашку — стабилен.

Бросаю последний взгляд на подростка. Если бы родила вовремя, мой сын мог быть его возраста. Мысленно благодарю за волю к жизни.

Друга моего, камикадзе, тоже оперируют или уже закончили. У парня ушиб сердца, осложнённый воспалением наружной оболочки сердечной мышцы. Кровь в сердечной сумке. Он на грани между жизнью и смертью. И кардиохирург сегодня — Алексей. Мой муж. Лучший в городе. Наш главный козырь в ЦБ.

Я выхожу из операционной, скидываю окровавленный халат в жёлтый бак. Дрожь в ногах — от усталости, адреналинового отката. Нужно дойти до душевой. Смыть с себя липкий пот, запах стресса и чужих страданий. Но сначала — к шкафчику. У меня для Алексея чистый халат. Он всегда забывает заказать себе свежий после ночных, а потом ворчит, что все разобрали. Я взяла с собой, зная, что у нас обоих ночные смены.

Забота. Привычка. Любовь...

Иду по пустому, освещённому неоном коридору. Тишина в три часа ночи — особенная, звонкая. Слышен писк далёких мониторов, скрип колёс каталки где-то в самом конце. В ординаторской, куда я заглядываю, врачей нет. Дежурная медсестра говорит, хватая трубку телефона:

— Ольга Викторовна, вас в травму вызывают, новый поступ...

Смыкаю веки. Мне бы вздремнуть минут двадцать. Что за ночь сегодня? Перебиваю:

— Позже. Волков ещё в операционной?

— Вышел, буквально перед вами. Минут пять-десять назад. В мужскую душевую пошёл, наверное.

Киваю и иду туда. Сумка с халатом вдруг стала тяжёлой. Душевая за реанимацией. Мужская душевая. Иду через отделение реанимации, там тихо. Я толкаю дверь. Внутри влажно, пахнет хлоркой и мужским гелем для душа, которым пользуется Алексей.

За высокой пластиковой ширмой — свет. И звуки. Смех. Женский. Катерина... Анестезиолог, что была с ним на операции. Потом — его низкий голос, неразборчивый шёпот. Ещё смешок. Звук, от которого у меня кровь стынет в жилах, хотя мозг отказывается осознавать. Влажный, бесстыдный... Звук поцелуя.

Всё внутри замирает. Гул в ушах. Рука сама тянется, отодвигает ширму. Скрип.

Алексей стоит, прислонившись к шкафчику. Синий хирургический халат расстёгнут, под ним — майка. Волосы взъерошены. Он держит за запястье Катерину. Она — в халате, но он сдвинут с плеча, и стоит вплотную к нему. Она видит меня первой. Не отскакивает. Не пугается. Холодные, зелёные, как у кошки глаза — встречаются с моими. В уголках полных губ дрожит улыбка.

Алексей оборачивается. Его лицо белеет.

— Оля?..

Я не могу издать ни звука. Горло сжалось.

— Оля, ты не так поняла! — Он отпускает её руку, делает шаг ко мне. Бормочет нелепые оправдания: — Мы просто... разряжались после операции. Говорили.

— В душевой? — хриплю пересохшим горлом. — Говорили? С твоей рукой на ней? Катерина нарочито медленно поправляет халат на плече.

— Ольга Викторовна, какая может быть ревность?.. — говорит она спокойно, почти снисходительно. — Мы все на нервах. Алексей Игоревич помог мне снять стресс. Как коллега.

От намёка на поддержку «коллеги» темнеет в глазах.

— Молчи, — шиплю я ей. Смотрю на него: — Ты. С ней. Здесь.

— Мы разговаривали! — выдаёт он глупость за глупостью. — Обсуждали тактику! Сложная была операция, ты же понимаешь...

— В душевой?! — вопрос гремит в пустой раздевалке. — Вы в мужской душевой в три часа ночи тактику обсуждаете?! Или, может, анатомию? Сердечную мышцу на практике изучали?!

— Ольга Викторовна, что вы!.. — Катерина пытается изобразить испуг. — Я зашла спросить у Алексея Игоревича про послеоперационные назначения...

Муж цепляется за её слова:

— Она зашла попросить совета! А я устал, голова не варит...

— И развязал халат? Чтобы голова лучше работала?

Не всем тут плохо, как мне. У Кати вырывается смешок. Один звук. Как щелчок по нерву.

— Ой, не драматизируйте. Ничего такого не было. Поговорили и всё! — Она смотрит на Алексея. — Правда, Лёш?

Это «Лёш»... Так его называю я. Только я! Или... уже нет.

Алексей будто просыпается.

— КАТЯ! — рявкает он на неё. — Заткнись!

Но уже поздно. Его «Катя» и её «Лёш» — висят в воздухе, как приговор.

Участвовать дольше в этом фарсе не стану. Для меня всё понятно. С силой швыряю в него свёрток с чистым халатом. Он отскакивает от груди и падает в лужу на полу.

Муж пытается ухватить меня за руку:

— Оля, подожди!

Успеваю шагнуть назад.

— Отвали!

Разворачиваюсь и выхожу в коридор. Дверь захлопывается за спиной. Опираюсь о стену. Дышать совершенно нечем. Сердце колотится так, что кажется, вот-вот лопнет. Слышу, как за дверью он кричит на неё: «Что ты делаешь, дура?!» А она спокойно отвечает: «Успокойся. Всё равно она всё поняла».

Меня тошнит. Зажимаю рот ладонью, втягиваю воздух через ноздри. Не хватало расклеиться прямо сейчас. Только не здесь! Пытаюсь идти на дрожащих ногах.

За дверью шаги. Он выскакивает в коридор.

— Ольга! Выслушай! Это ничего не значило! Она для меня никто!

Оборачиваюсь. Вижу его растерянное, виноватое лицо. И за его спиной — её. Катя стоит в дверях душевой, опёршись плечом о косяк. Смотрит на нас обоих, как на интересный клинический случай.

— Она никто, — повторяю я. — А я кто для тебя? Дура, десять лет верившая в «золотую пару»?

— Ты моя жена! — Он снова пытается схватить мою руку. Я отшатываюсь. Рычу, стиснув зубы:

— Была. Отстань! Слышишь?! — злой взгляд сверлит растерянное лицо. — Завтра поговорим в присутствии адвоката. А сейчас — не подходи! Знать тебя больше не хочу.

Из ординаторской появляется медсестра. Любопытные глаза округляются при виде нашей сцены. Не часто увидишь такое зрелище. Всегда спокойная, как удав, хирург-травматолог готова вцепиться в горло лучшего кардиохирурга. Она тараторит, не зная, куда девать взгляд.

— Ольга Викторовна... извините. В приёмный доставили женщину, падение с лестницы. Открытый перелом голени, возможна травма спины. Без вас никак...

Мир с щелчком встаёт на место. Кривое, перекошенное, но место. Здесь есть боль, которую я могу понять. Которую могу починить.

— Сейчас, — говорю ровным, вдруг прорезавшимся голосом. — Готовьте перевязочную. Рентген.

Иду за медсестрой, не оглядываясь на предателей. На него, который тянет ко мне руки. На неё, которая смотрит мне вслед с ядовитой полуулыбкой.

Отрешаюсь от мира душевной боли. Спешу в приёмный покой. Дышу глубоко, со счётом. Мои руки — идеальные инструменты. Они не должны дрожать. В приёмном ждёт пациентка, которой больно и страшно. Она больше всех нуждается в моём ясном уме и твёрдой руке.

Всё остальное — душевую, смех соперницы, поцелуй — закрываю за крепким хирургическим швом. Пока. Но шов — не значит зажило.

Он думает, ему сойдёт с рук эта интрижка. Она считает, что победила. Они оба ошибаются. Я не ломаюсь. Прооперирую и залечу смертельно раненую душу, как самую сложную травму. А потом посмотрим, кто кого.

Дверь в приёмный покой открывается. На каталке — бледная женщина, сжимает зубы от боли, но видит меня и в испуганных глазах вспыхивает надежда.

— Доктор... — шепчут искусанные в кровь губы.

Улыбаюсь, ободряю, насколько могу:

— Сейчас всё будет, — уверяю я и начинаю осмотр.

Где-то на краю сознания уже зреет другой план. Не медицинский. План мести. Точной, хирургической, безжалостной! И первым пунктом в нём: ни за что не показывать им, как мне больно.

Глава 1

Утро режет глаза ярким жёлтым светом. Я не спала. Совсем. Сначала была та женщина с переломом — долгая, кропотливая работа, пока не стало светло за окном. Потом — бумаги. Потом — просто сидела в своём кабинете и смотрела на стену. Картинка из душевой прокручивалась заново. Снова и снова. Его расстёгнутый халат. Её спокойная, наглая улыбка. Его паническое: «Оля!»

Раздевалка отдела травматологии. Я вхожу — и разговор трёх медсестёр у шкафчиков обрывается на полуслове. Резко. Тишина становится густой, липкой. Они смотрят в пол, на свои тапочки, куда угодно, только не на меня.

— Доброе утро, — голос звучит хрипло от бессонницы.

— Доброе... Ольга Викторовна, — бормочет старшая, Татьяна Петровна. Остальные две шепчутся, бросая на меня быстрые, жадные взгляды. Я слышу обрывки: «...в четыре утра... весь этаж слышал... Катерина-то ведь...».

Прислоняюсь лбом к холодному металлу шкафчика. Закрываю глаза. Глубокий вдох. Выдох. *«Соберись. Они ждут. Пациенты ждут».*

Мой халат пахнет больничным стиральным порошком. Чистый, крахмальный. Маска для лица. Я надеваю его как доспехи. Сегодня они мне понадобятся. Завязываю пояс. Смотрю на себя в зеркальце на дверце. Под глазами — сероватые тени. Лицо осунулось. Но взгляд должен быть твёрдым. Поправляю волосы, собираю их в тугий пучок. Готово.

Я показательно громко захлопываю дверцу своего шкафчика. Звонкий звук заставляет их вздрогнуть. Они умолкают. Прохожу мимо, чувствуя, как их взгляды буквально прожигают мне спину. Отлично! Значит, все уже в курсе. История разлетелась по больнице со скоростью внутрибольничной инфекции. «Золотая пара» дала трещину.

Гордо вскидываю голову, выпрямляю спину. Я должна снова стать доктором Захаровой. Спрятать за бронёй Ольгу, которой вчера разбили сердце. Кривлю губы в ухмылке. Приказываю себе в мыслях: *«Тебе это по силам!»* — и шагаю вперёд.

— Есть какие-то вопросы по работе? — спрашиваю на выходе, не оборачиваясь.

— Нет-нет, всё в порядке, Ольга Викторовна, — быстро отвечает Татьяна.

— Тогда нечего тут толпиться. На рабочих местах к восьми должны быть все. У нас полный стационар.

В коридоре — обычная утренняя суета. Санитарки везут каталки с бельём. Ординаторы бегут с историями болезней. Но я ловлю на себе слишком много взглядов. Быстрых, украдкой. Кто-то смотрит с сочувствием. Кто-то — со скрытым любопытством: «Интересно, как она себя поведёт?» А кто-то — я это чувствую кожей — с плохо скрытым злорадством. Зависть — отличное горючее для сплетен.

Хирург из отделения гнойной хирургии кивает мне с выражением товарищеского понимания, мол, «бывает». Я делаю вид, что не замечаю.

Иду с прямой спиной в ординаторскую, чтобы взять список пациентов. Из-за угла, из отделения кардиохирургии, появляется Алексей. Выглядит так, будто тоже не спал. Тёмные круги под глазами, небритое лицо. Он целенаправленно идёт ко мне, перекрывая путь.

— Оля. Надо поговорить.

Пытаюсь его обойти. Он делает шаг в сторону, блокируя меня.

— Отстань. У меня обход.

— Пожалуйста! — он хватает меня за рукав. Его пальцы сжимают ткань. — Ты должна выслушать. Она сама бросилась мне на шею, в тот самый момент, когда ты вошла! Я её оттолкнул! Клянусь!

Я медленно перевожу взгляд с его руки на его лицо. На эти знакомые черты, которые сейчас кажутся такими чужими и жалкими.

— Твой халат, Алексей, был расстёгнут на все пуговицы, — говорю тихо, но так, что каждое слово отлично слышно. — И ты держал её за руку. Не отталкивал. Держал. Молчи. У меня через десять минут важный консилиум. У меня нет ни сил, ни желания слушать твои оправдания.

Я пытаюсь вырвать рукав. Он не отпускает.

— Это ничего не значит! Я был в стрессе, не думал! Она меня спровоцировала, она вечно заигрывает!!

— В стрессе? — я фыркаю. — Алексей, мы оба хирурги. Стресс — наша рабочая среда. Он не оправдывает то, что ты делаешь в душевой с подчинённой. Молчи!

Я резко дёргаю руку. Он отпускает. В его глазах — растерянность и злость. Он привык, что я его слушаю. Что я понимаю. Теперь — нет.

— Ты что, всё серьёзно? Мы же десять лет вместе! Из-за какой-то... — он не успевает договорить.

— Да! — обрываю я. — Всё серьёзно! — Во мне что-то срывается с тормозов. — Меня не интересует, кто кого провоцировал! Меня интересует, что ты, мой муж, был в три часа ночи в душевой с другой женщиной! Всё остальное — детали, которые меня не касаются. Отстань. Поговорим вечером. Через адвокатов. А теперь — прочь с дороги!

Обхожу его и иду дальше, не оглядываясь. Спиной чувствую его взгляд. Ненавижу себя за то, что этот взгляд всё ещё может причинять боль.

Я захожу в ординаторскую, хлопнув дверь. Сердце колотится где-то в горле. Опираюсь о стол, чтобы не тряслись руки. Беру стопку историй болезней. Смотрю в список. Первым пунктом — консилиум в палате №314. Множественная травма. Вот он, мой спасительный круг. Чужая боль, которую, в отличие от собственной, я умею отлично чинить!

Глава 2

Консилиум в палате. Спёртый воздух пахнет лекарствами и напряжением. Здесь главный травматолог, нейрохирург, реаниматолог, заведующий терапевтическим отделением Матвей Сергеевич и... Дмитрий Орлов, хирург-ортопед, звезда, не желающая менять на Москву наш город. Его я вижу редко, он больше по плановым сложным случаям. Блестящий специалист и возгордившийся, высокомерный нарцисс с золотыми руками.

Пациент — мужчина пятидесяти лет, попал под колёса грузовика. Состояние тяжелейшее: открытый оскольчатый перелом бедра, разрыв селезёнки, ушиб лёгкого, сотрясение мозга. Нужно выработать тактику: что оперировать первым, как минимизировать риски.

Я показываю на свои снимки, объясняю про перелом.

— ...кость раздроблена, острый край в сантиметре от бедренной артерии. Любое неосторожное движение — массивное кровотечение. Моё предложение: начать с фиксации бедра, параллельно готова к лапароскопии на предмет селезёнки.

Заведующий терапевтическим отделением, Матвей Сергеевич, человек ворчливый и консервативный, качает головой.

— Слишком рискованно, Захарова. У пациента падает гемоглобин. В первую очередь — разрыв селезёнки! Его нужно исключить или ушить, а потом уже ваши кости.

— Если мы начнём с живота, — возражаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал, — при транспортировке, при перекладывании, этот осколок может прорезать артерию. Он умрёт на операционном столе от кровопотери, даже если мы успеем с селезёнкой.

— Вы драматизируете, — бурчит Матвей Сергеевич. — Ваша тактика ставит под удар всю последовательность. И кто будет делать? Такие переломы — ювелирная работа!

Я чувствую, как на меня смотрят. Все помнят про вчерашний скандал. Ищут, дрогну ли я? Сломаюсь ли? В горле ком. Я устала. Мне больно. И этот старый козёл пользуется моментом.

Я открываю рот, чтобы ответить, но меня опережает спокойный, немного глуховатый голос.

— Позвольте мне как ортопеду взглянуть на снимки.

Все поворачиваются. Дмитрий Орлов сидит, откинувшись на стуле, с невозмутимым лицом. Он берёт мои рентгенограммы, подносит к свету, изучает долго и молча.

— Матвей Сергеевич, — говорит он наконец, сухо, без эмоций. — Осколок, на который указывает Захарова, расположен под критическим углом. Данные ангиографии, которые я успел посмотреть перед консилиумом, показывают спазм артерии в этом месте. При манипуляциях спазм может сняться. И тогда — сильное кровотечение. Коллега права. Фиксация — первостепенна! — Он кладёт снимки на стол. — Что касается техники... Такие операции я провожу. Высокомерный взгляд мельком скользнул по мне. Могу взять на себя, если отделение травматологии предоставит ассистента.

Он говорит сухо, по-деловому. Без эмоций. Неоспоримо. Это не защита меня. Это защита пациента. Но для всех в этой комнате это звучит как поддержка.

Матвей Сергеевич хмыкает, отступая. Никто не хочет спорить с человеком, считающим себя Богом хирургии.

— Ну, если Орлов подтверждает... Ладно. Действуйте по вашей схеме!

Консилиум заканчивается. Я собираю бумаги. Руки слегка дрожат — от злости, от облегчения. Операции сегодня вечером. Ассистировать буду я. Когда все расходятся, Орлов задерживается на секунду рядом.

— Хорошо аргументировали, — говорит высокомерный циник, глядя не на меня, а в окно. — Жду вас в шестой операционной в восемнадцать ноль-ноль. Будет сложно.

Он кивает и уходит, не дожидаясь ответа. Ни намёка на сочувствие, на разговоры о вчерашнем. Только работа. Такая позиция сейчас — бесценна.

Я выхожу из палаты. В груди странное чувство. С одной стороны — горечь и пустота. С другой — слабая, но точка опоры. Кто-то в этой больнице видит во мне не «жертву измены Волкова», а хирурга Захарову. И этот кто-то — эгоист Дмитрий Орлов.

Весь день проходит в напряжённом ритме. Осмотры, перевязки, консультации. Я щедро поливаю свою боль работой. Служивцы постепенно перестают глазеть — появляются новые темы для обсуждения. Кажется, худшее позади.

Перед самым уходом, уже ближе к вечеру, я заглядываю в палату к той самой женщине с переломом голени — Надежде Семёновне. Её прооперировали ночью, сейчас она в гипсе.

— Как себя чувствуете? — спрашиваю, проверяя пульс на стопе.

— Терпимо, доктор, спасибо вам, — слабо улыбается она. — Только вот что-то... жжёт внутри, под гипсом. И голова кружится, когда встаю.

Я настораживаюсь. Жжение может быть признаком воспаления, а головокружение... Просматриваю её назначения в компьютере. Всё вроде в порядке: антибиотики, обезболивающие. Но что-то меня смущает. Я открываю историю её болезни, чтобы проверить дозировку.

И замираю.

В графе «Аллергологический анамнез» чьей-то рукой дописано: «Нет данных». А я чётко помню, что вчера, при поступлении, она сама мне говорила, сквозь слёзы от боли: «Доктор, только не пенициллин, у меня на него жуткая крапивница была». И я лично внесла это в её электронную карту, выделив красным. Более того, назначенный ей антибиотик как раз из пенициллинового ряда.

Кровь стынет в жилах. Это не ошибка! Это нельзя сделать случайно. Кто-то вошёл в систему под моим логином? Или, имея доступ... изменил запись? Убрал противопоказание? Если бы я не зашла, не поговорила с пациенткой... Её бы кололи этим препаратом. Аллергическая реакция, отёк, анафилактический шок... на фоне тяжёлой травмы это могло бы кончиться очень плохо! И виновата была бы я — как лечащий врач, не изучивший анамнез. Вчера — подменённый снимок у бабушки Мухиной. Сегодня — стёртая аллергия у Надежды Семёновны. Слишком много «случайностей» за сутки. Я меняю назначение, вношу аллергию снова, ставлю галочку о неотложном изменении.

Вот, значит, как!.. Кто-то пытается подставить меня, сделать так, чтобы я совершила роковую ошибку.

Выхожу из палаты. Коридор больницы кажется вдруг враждебным. Каждый шорох, каждый взгляд — угроза.

«Хорошо, — думаю я, глядя на замигающий огонёк вызова в дальнем конце коридора, — ты хочешь играть в больничные игры? Отлично! Но правила отныне устанавливаю я. И первое правило: никогда не трогать моих пациентов. За такое я уничтожу!»

А для этого нужно вычислить, кто это сделал.

Мне нужны доказательства. Необходимо проверить: кто, кроме меня, имел доступ к карте Надежды Семёновны сегодня днём. И первой в списке подозреваемых, конечно же, стоит Катерина. Анестезиолог, у которой есть доступ ко всем медицинским записям и которая сегодня была в нашем корпусе «на консультации».

Завтра первым делом я отправлю запрос в IT-отдел. А сейчас... сейчас я пойду домой. В тот пустой, холодный дом, который уже не является домом. Но сначала я зайду в кабинет и проверю журнал посещений палат. Вдруг мне повезёт.

В груди странное чувство. С одной стороны — горечь и пустота. С другой — слабая, но точка опоры. Кто-то в этой больнице видит во мне не «жертву измены Волкова», а хирурга Захарову. И этот кто-то — Дмитрий Орлов.

Но точку опоры тут же пытаются выбить. Мимо меня размашисто и уверенно проходит Катерина. Она идёт в сторону кардиохирургии. Увидев меня, не опускает глаза, не смущается. Наоборот, замедляет шаг. Её взгляд скользит по мне — оценивающе, холодно. На пухлых губах появляется едва уловимая улыбка. Она ничего не говорит. Улыбается и проходит дальше.

Эта улыбка впивается в меня, как заноза. Она не собирается прятаться. Не собирается делать вид, что ничего не было. Она наслаждается. И это страшнее любой истерики.

Я захожу в свой кабинет, закрываю дверь. Прислоняюсь к ней спиной. Вечером сложная операция. Нужны собранность и точность. А внутри — ураган из боли, гнева и теперь ещё этой... наглой улыбки.

Подхожу к столу, сажусь, открываю историю болезни Михаила. Нужно продумать каждый шаг. Но перед глазами всё время стоит её уверенное лицо.

«Хорошо, — думаю я, глядя в строчки диагнозов. — У тебя есть наглость. У меня есть скальпель и десять лет безупречного стажа. Посмотрим, кто кого перехитрит в этих стенах. Начнём с того, что я блестяще отработаю эту операцию. На консилиуме ты не присутствовала. Но уверена, новость о том, что Орлов и Захарова будут работать вместе, дойдёт до тебя быстро. Интересно, какое у тебя будет выражение лица?»

Но сначала нужно пережить этот день. И выдержать первую совместную операцию с человеком, который ставит себя выше всех.

Глава 3

Я толкаю дверь в ординаторскую травматологии. Не покидает ощущение, будто в глаза песок насыпали, и голова словно налита свинцом. Я не спала эту ночь. Вчерашняя операция с Орловым прошла идеально, но после неё было слишком тихо. Я ворочалась на жёсткой раскладушке, и картинка из душевой вставала перед глазами снова и снова. Его расстёгнутый халат. Её спокойная улыбка. Всегда считала, что меня минует чаша измены. Неужели Алексей мог настолько хорошо маскироваться? Прогоняю мысли о нём из головы, но вырвать воспоминания из сердца пока не получается. Горько вздыхаю. Если бы не любила мужа так сильно, не было бы настолько больно.

Мне нужен кофе. Крепкий и горький. Но едва переступаю порог ординаторской, останавливаюсь.

В небольшой комнате непривычно многолюдно, шумно и пахнет... сладко. Ванилью и сливками. Не лекарствами.

В центре комнаты, на столе, стоит огромный торт из дорогой кондитерской неподалёку от клиники. А рядом со сладостью — Катерина. В безупречно чистом халате, с безупречным макияжем на лице. Она грациозно нарезает торт и раздаёт куски медсёстрам и ординаторам.

— Не стесняйтесь, коллеги! — тонкий голосок звенит колокольчиком. — Все мы здесь устаём. Особенно после ночных смен. Нужно себя любить и баловать!

Она улыбается во всю ширину губ. Младшие медсёстры берут торт, краснея от такого внимания. Ординатор Костя, что всегда ходит за мной как привязанный, смотрит на Катю, разинув рот. Она свежа. Хороша собой. Сияет. Как будто не было ни душевой, ни скандала. Мне стыдно от повышенного внимания коллег, а ей совершенно всё равно! Или даже напротив, нравится статус любовницы заведующего кардиохирургии.

Замираю с пустой кружкой в руке. Она поворачивает голову. Зелёные глаза находят меня. И... ничего не происходит. Ни испуга, ни вызова, ни даже презрения. В её глазах — полная пустота. Словно смотрит на отодвинутый в сторону стул или на пятно на стене за моей головой. Она плавно отводит взгляд и говорит хирургической медсестре:

— Вам, Машенька, большую кремовую розочку! Вы у нас самая трудолюбивая!

Холодный ком подкатывает к горлу. Она не просто игнорирует меня. Она стирает меня из глаз младшего персонала. Демонстративно. Показывает всем, что Ольга Захарова — пустое место. А она, Катерина, — щедрая королева, снизошедшая до простых смертных! И на это покупаются. Все улыбаются. Даже Татьяна, старшая медсестра, уже доедает свой кусок, кивая Катерине с благодарностью.

Я разворачиваюсь и выхожу в коридор. Кофе рядом с ними противен. Иду на обход. Мне нужно к своим пациентам. К реальной боли, которую я понимаю.

Первый в списке — пенсионер Дедекин, палата 302. Перелом шейки бедра. Операция через два дня. Нужно уточнить анамнез перед консилиумом. Захожу, киваю ему, беру планшет с его электронной картой.

— Как самочувствие, Николай Петрович? Давление не скачет?

— Да вроде ничего, доктор... Только сердце пошаливает, как обычно.

Я открываю раздел «Рекомендации анестезиолога». Должна быть пометка о его сердечной недостаточности. Моя пометка. Я её вчера внесла.

Но её нет.

Вместо неё — аккуратный список препаратов для предоперационной подготовки. Стандартный. И в середине списка — препарат, который категорически нельзя при его диагнозе. Он может вызвать резкий спад давления, аритмию, коллапс.

У меня перехватывает дыхание. Я открываю историю изменений. Последняя правка — сегодня, 7:45 утра. Логин: «*Katerina_Anez*».

Она зашла сюда утром. «Готовила» его к анестезии. «Случайно» стёрла моё жизненно важное предупреждение. И «случайно» вписала опасный препарат.

Если бы я не зашла, не поговорила с ним... Его начали бы готовить к операции по этому протоколу. И он мог умереть. От остановки сердца. На операционном столе или прямо здесь, в палате. А виновата была бы я. Как лечащий врач, не проконтролировавший назначения.

Руки начинают дрожать. Я так сильно сжимаю планшет, что пальцы белеют.

Одна за другой попытки меня скомпрометировать. Она выбирает самых слабых — пенсионеров. Подлое, тихое покушение под маской заботы о пациенте.

— Ольга Викторовна, что-то не так? — слышу я тихий голос. Это медсестра Галина зашла, чтобы взять анализ крови. Она работает здесь давно. Умная, внимательная.

— Галя, — говорю шёпотом, — посмотрите.

Протягиваю планшет. Она надевает очки, вчитывается. Доброе лицо становится строгим.

— Это то, что ему нельзя! Вы же сами... — Знаю, — перебиваю, приложив палец к губам. — А теперь нет моей записи. И есть это.

Показываю пальцем на строку. Галина смотрит на меня поверх очков. В её глазах — понимание. И тревога.

— Катерина Андреевна была здесь сегодня с утра. Говорила, что проводит предоперационный осмотр. Сидела за компьютером минут десять.

Слово за словом. Всё сходится!

— Исправьте, Галя, — прошу шёпотом, показав взглядом на больного. Не хватало, чтоб он запаниковал. — Внесите обратно моё предупреждение. И удалите этот препарат из назначений. Сейчас. Тихо.

— А она? Она же может...

— Пусть попробует что-то сказать, — обрываю я. — У нас будет история изменений. Спасибо вам.

Галина быстро берёт планшет, её пальцы уверенно стучат по экрану, исправляет. Она не предана мне лично. Она предана пациентам. Хорошо, что хоть кто-то видит, как меня реально пытаются подставить.

Выхожу из палаты. В душе всё кипит. Она не только мне строит козни, а играет жизнями пациентов!

Ноги сами несут в отделение анестезиологии. Останавливаюсь. Если не смогу сдержаться и сцеплюсь с ней? Устроить очередное шоу — получить прямую путёвку на выход. Ну, уж нет! Не позволю растоптать себя молодой карьеристке, желающей въехать на чужой спине в рай. Разворачиваюсь и иду в кабинет заведующего кардиохирургией.

Глава 4

Дверь в кабинет мужа приоткрыта. Набираю в лёгкие воздух и вхожу без стука. Алексей сидит за столом, уставившись в монитор. Поднимает голову. На его лице — сначала удивление, потом натянутая, робкая улыбка. Он думает, я пришла поговорить о нас.

— Оля?..

— Твоя шлюха, — выдыхаю, перебивая, — начинает лезть в мои дела!

Его лицо меняется. Надежда гаснет, появляется раздражение.

— О чём ты?

— Она была у моего пациента! Убрала из карты противопоказания и вписала препарат, который мог его убить! Это что, она анестезию с эвтаназией путает?!

— Ольга, успокойся! — он встаёт, голос становится резким. — Что за истерика? Во-первых, в клинике нет моих шлюх! Во-вторых, Катя — профессионал! Анестезиолог-реаниматолог. На её счету сотни пациентов! Могла просто ошибиться!

— Ошибиться?! — голос срывается, не могу сдержаться. Напираю на него, вынуждая сесть на место. — Она целенаправленно стёрла МОЮ запись! Хочет выставить так, будто я ошиблась! Подвести меня под суд! Мечтает, чтобы мой пациент умер!

— Тебе везде мерещится заговор! Каждый её шаг подотчётен... — Он отмахивается, будто от назойливой мухи: — У тебя паранойя на почве необоснованной ревности! Катя — добрая девочка, она просто могла запутаться!

«Добрая девочка»?.. У меня перед глазами встаёт её довольное лицо с ехидной улыбкой. Красная пелена застилает глаза. Подхожу к столу вплотную, упираюсь в него ладонями. Нависаю над человеком, которому доверяла во всём, а сейчас понимаю, что зря.

— Слушай сюда, Алексей. Если она ещё раз тронет хоть одного моего пациента, исправит хоть одну бумажку, — я пойду не к главврачу. Я поеду в полицию. С заявлением о покушении на убийство по неосторожности. Потом принесу это заявление сюда, на общее собрание. И посмотрим, как твоя «добрая девочка» будет улыбаться в наручниках. Понял?

Он бледнеет. Видит, что я не блефую.

— Остановись! Ты с ума сошла?! Ты не только её, но и свою карьеру погубишь! — он пытается ухватить меня за руку.

Уворачиваюсь. Противна даже мысль, что он коснётся меня руками, которыми обнимал её.

— Моя карьера стоит на спасённых мною жизнях, а не на воровстве мужей и подлогах в историях болезни! — шиплю ему в лицо. — Передай ей мои слова и держи эту сучку на коротком поводке. Потому что в следующий раз я буду бить на поражение. И вам обоим не поздоровится!

Я разворачиваюсь и выхожу, хлопнув дверью. Последнее, что слышу в спину:

— Успокойся и давай поговорим, как взрослые люди!..

Что он может сказать? Правду? Я пока не готова услышать, что он любит другую. Очередную ложь, что его с Катей ничего не связывает? Тем более не готова. Не хочу сорваться ещё на одну истерику. И так выставила себя посмешищем. Нужно не психовать, а приготовить месть. Её подадут холодной...

Легко сказать, но как выполнить? Тело дрожит от ярости и унижения. Он защищал её. Назвал её «добррой девочкой». Значит, они вместе. И он позволит ей всё. Хочется выть от боли и бессилия.

Иду по коридору, ничего не видя. Одни и те же мысли бомбардируют мозг. Нужно что-то делать. Нужны доказательства. Нужна... помощь. Хотя бы одна живая душа в союзники.

Я возвращаюсь в своё отделение. У поста медсестёр стоит Галина с листком бумаги в руках. Выглядит очень встревоженной и точно поджидает меня.

— Ольга Викторовна, — говорит она тихо, оглядываясь. — Пока исправляла карту... я кое-что увидела в общем доступе.

Она протягивает мне листок, исписанный от руки. Это график дежурств анестезиологов.

— Смотрите. Катерина Андреевна специально поменялась сменой. Теперь она дежурит в эту субботу. А в субботу у нас плановая операция. Сложная, эндопротезирование тазобедренного сустава у Широковой. Ассистировать будете вы.

Моя операция. Мой ответственный случай. И она будет дежурным анестезиологом. Совпадение? Нет! После сегодняшнего утра я не верю в совпадения. Смыкаю на пару секунд веки. Приказ взять себя в руки действует.

Беру бумагу. Пальцы не дрожат. Внутри всё сковывается в твёрдый, холодный лёд. Искренне благодарю:

— Спасибо, Галя. Огромное спасибо.

Эта женщина не продастся за кусок торта. Она кивает и отходит. Я остаюсь одна.

Значит, она не остановилась. Мелкая пакость с тортом, подлог в карте — это только начало. Разведка. Главный удар запланирован на субботу. На моей операции. Где от слаженности команды зависит всё. Где анестезиолог — ключевая фигура.

Она хочет подставить меня там. Сорвать. Допустить осложнение. Или хуже.

Иду в свой кабинет. Сажусь за стол. Суббота. Через три дня.

«Значит, так, Катерина! Ты выбрала поле боя — операционную. Ты получишь бой. Но я теперь в курсе. И я сделаю всё, чтобы пациентка Широкова была в безопасности».

Я смотрю на телефон. Нужен кто-то, кто будет следить за ней, пока я буду у операционного стола. Кто-то, кому я могу доверять и кому совершенно плевать на Катю. Тот, кто не допустит, чтоб его имя связали с неуспехом.

В голове возникает одно имя. Самопровозглашённый Бог. Дмитрий Орлов. Он не будет дежурить в субботу. Но он — профессионал. Он ненавидит беспорядок и видел, как я работаю.

Я беру телефон. Держу недолго в руке и кладу назад, вспомнив его взгляд свысока и приказы с превосходством в голосе. Нужно настроиться и сначала проверить его расписание. Может, он будет в больнице в тот день на консультации? Если будет здесь... Возможно, стоит поговорить. Не просить о помощи. Просто... рассказать о возможном риске для операции и попросить совета высокопрофессионального коллеги.

Открываю общее расписание врачей на субботу. Ищу его фамилию. Орлов Д.С.

И замираю. Напротив субботы у него стоит не «выходной», а пометка: **«Консультация, орг. вопросы. С 9:00».**

Он будет здесь.

Глава 5

Суббота. День, которого я и жду, и боюсь одновременно. Утро начинается с густого тумана за окном. Я в больнице с семи. Первым делом иду в отделение, к Нине Леонидовне Широковой. Она уже бодрствует, сидит на кровати, нервно теребя край простыни.

— Ну как, героиня, готовы? — стараюсь говорить бодро.

— Страшно, доктор, — признаётся она. — Всю ночь не спала. Вдруг что-то пойдёт не так...

— Со мной у вас ничего не пойдёт не так, — уверенно отвечаю я, хотя внутри всё сжато в тугой узел. — Вы же мне доверяете?

— Доверяю, — она слабо улыбается. — Только уж очень тихая вы сегодня. Не похоже на вас.

Она права. Я не похожа на себя. Я натянута, как струна. Провожу последний предоперационный осмотр, сверяю все анализы, лично проверяю, нет ли новых записей в её карте. Всё чисто. Катерина, видимо, решила не рисковать с бумагами. Значит, её план иной.

В ординаторской меня ждёт Дмитрий. Он в гражданском, но с больничным бейджем на шнурке. Не могу скрыть радости.

— Вы здесь!.. — мне становится чуть легче.

— Как и обещал. Буду в наблюдательной галерее. Свой человек среди медсестёр в операционной предупреждён — будет держать ухо востро.

— Спасибо, — выдыхаю я. — Не за что. Иди, готовься. И помни — ты лучший ортопед в этом городе... после меня, конечно! Не дай какой-то интриганке об этом забыть.

Я киваю. Его слова — как глоток крепкого кофе. Иду мыть руки. В операционном блоке уже кипит жизнь. В предоперационной Нину Леонидовну готовят к наркозу. У изголовья — Катерина, проверяет аппаратуру. Видит меня — и делает вид, что не замечает. Её лицо спокойно, профессионально.

Несколько раз, как мантру повторяю про себя слова Орлова: *«Я лучшая!.. После него. И всё пройдёт на отлично!»* Подхожу к раковине, начинаю долгую, тщательную обработку рук. В зеркале вижу, как Катерина что-то говорит анестезистке-стажёрке, та кивает, широко раскрыв глаза. Петрова — неопытная девчонка, которую Катерина специально поставила на эту операцию.

«Хорошо, Катя... Используешь «зелёную»? Посмотрим!»

Оставляю ненужные эмоции в этой комнате. Вхожу в операционную совершенно собранной. Всё готово. Инструменты разложены, сияют под лампами. Мой ассистент на сегодня — молодой, но толковый ординатор Игорь. Я киваю ему.

— Всё по плану, Игорь. Следите за состоянием пациентки.

— Так точно, Ольга Викторовна.

Пациентку ввозят, перекладывают на стол. Катерина начинает вводный наркоз. Её действия чётки, быстры. Ничего лишнего. Она мастер своего дела, чёрт бы её побрал! Именно это и страшно.

— Пациентка уснула. Показатели стабильны. Можно начинать, — её голос из-под маски звучит ровно, без эмоций.

— Начинаем, — говорю я.

Разрез. Доступ к тазобедренному суставу. Всё идёт как по нотам. Мои руки помнят каждое движение. Вывихиваю головку бедра, начинаю подготовку вертлужной впадины. Всё чисто, кость хорошего качества.

И тут я слышу голос Петровой, тихий, неуверенный:

— Катерина Андреевна, давление немного скачет... Сто на шестьдесят.

— Это в пределах нормы для такого этапа, — спокойно отвечает Катерина, даже не глядя на мониторы. — Контролируй диурез.

Проходит ещё пятнадцать минут. Я устанавливаю чашку эндопротеза. Идеальная посадка. Перехожу к бедренной компоненте. Самое ответственное. Нужно точно рассчитать угол, под которым будет стоять ножка протеза. Малейшая ошибка — и будет хромота, боль, нестабильность.

Я полностью сосредоточена. И в этот момент слышу:

— Катерина Андреевна! Температура растёт! Тридцать восемь и две!

— Что? — теперь Катерина отрывается от своих бумаг. — С какого момента?

— С начала установки бедренного компонента... — голос Петровой дрожит.

Лихорадка во время операции. Это может быть всё что угодно: от банальной реакции на медикаменты до начинающегося сепсиса, повод, если не прекращать, то сильно беспокоиться.

Отрываю глаза от раны на секунду, смотрю на монитор. Да, температура ползёт вверх. Но что странно... все остальные показатели — давление, пульс, сатурация — идеальны. При настоящей системной реакции они бы тоже менялись.

— Продолжаем, — говорю я твёрдо. — Мониторьте. Возможно, реакция на костный цемент.

— Ольга Викторовна, при таком подъёме температуры есть риск... — начинает Катерина.

— Я в курсе рисков, — обрываю её. — Анестезиология, ваша задача — стабилизировать температуру. Прохладный физраствор, жаропонижающее. Мы на критичном этапе, останавливаться нельзя!

Катерина смотрит на меня. Её глаза над маской холодные, но в них мелькает что-то вроде уважения. Она ожидала, что я запаникую.

— Хорошо, — командует она стажёрке. — Петрова, готовь парацетамол для в/в. Увеличь скорость капельницы.

Она отдаёт команды. Но я не верю в эту лихорадку. Слишком уж вовремя. Слишком «точечно». Продолжаю работу, но теперь мой слух настроен на всё, что происходит у изголовья. Слышу, как Петрова что-то роняет, и нервно шепчется с циркулярной медсестрой.

Краем глаза замечаю, что Петрова, отойдя к столику с препаратами, неуверенно тянется не к флакону, который приготовила Катерина, а к другому, стоящему чуть в стороне. Её рука дрожит.

— Петрова! — резко говорю я. Вся операционная замирает. — Что это у вас?

Девушка вздрагивает, чуть не роняя флакон.

— Это... парацетамол, Ольга Викторовна...

Давлю её взглядом. Протягиваю руку:

— Покажите мне!

Глава 6

Петрова, краснея под маской, несёт флакон ко мне. Я смотрю. Этикетка «Парацетамол». Но срок годности... мелкий шрифт. Я присматриваюсь. И вижу. Последняя цифра года смазана. Как будто её подправили. И цвет резиновой пробки не тот, что должен быть у наших стандартных поставок.

— Этот препарат не из нашей аптеки, — сверлю её взглядом. — Откуда он?

— Я... я не знаю... Катерина Андреевна сказала взять с того столика... Все взгляды устремляются на анестезиолога. Она стоит неподвижно. Но я вижу, как её пальцы сжали край монитора.

— Я ничего не говорила, — она не оправдывается, а нападает: — Ты перепутала, Петрова! Тебе надо было взять стандартный из холодильника. Видимо, кто-то оставил здесь свой личный препарат.

Личный препарат в операционной? Это нарушение всех правил! И он почти попал в систему моей пациентки.

— Убрать это, — приказываю строго. — Использовать только стандартный, проверенный. И продолжить наблюдение за температурой.

Атмосфера в операционной наэлектризована. Петрова вот-вот расплчется. Катерина делает вид, что ничего не произошло. А я понимаю — это была ловушка. Не сработавшая. Они хотели вколоть пациентке нечто, что вызовет настоящую, уже не сфальсифицированную лихорадку или другую реакцию. Чтобы сорвать операцию по-настоящему! И виноватой бы оказалась я — как хирург, продолжавший операцию на фоне «невьясненной гипертермии».

Возвращаюсь к работе. Руки обрели стальную твёрдость. Теперь я знаю наверняка. Меня хотят убрать не только, как хирурга, но и из клиники, с прицелом лишить врачебной лицензии!

Завершаю установку протеза. Всё идеально. Температура у оперируемой начинает снижаться сама собой, как только я накладываю последний шов. Значит причина была не в пациентке.

— Операция завершена, — объявляю я. — Переводим в палату пробуждения.

Выхожу из операционной. За мной, как тень, выходит Дмитрий из галереи. Мы в предоперационной.

— Вы видели? — спрашиваю, срывая шапочку.

— Видел. И кое-что ещё. Пока ты работала, Петрова куда-то выходила. Вернулась бледная. Я послал свою знакомую медсестру проследить. Она пошла в ординаторскую анестезиологов. И через минуту оттуда вышла Катерина. Мрачная.

— Значит, они советовались, — киваю я. — План «А» провалился. Интересно, есть ли план «Б»?

В этот момент дверь распахивается. Врывается главная операционная сестра. Её лицо — маска гнева.

— Ольга Викторовна! Идите быстро! В палате пробуждения беда с вашей Широковой!

Холодная волна страха пробегает по спине. Я бегу. Дмитрий — за мной.

В палате пробуждения суматоха. Нина Леонидовна лежит с испуганным лицом. Возле неё суетятся медсестры. И стоит... Алексей! Хотя его здесь не должно быть.

— Что случилось? — влетаю я в палату.

— Тревожная кнопка, — коротко говорит он. — Пациентка проснулась, попыталась пошевелиться, и у неё началась сильнейшая тахикардия, чуть не до криза. Сейчас купировали.

Я подхожу к мониторам. Да, на записи виден резкий скачок пульса до 150. Сейчас он ровный, 90. Я смотрю на Нину Леонидовну.

— Что вы почувствовали?

— Проснулась... и такое чувство, будто сердце выпрыгнуть хочет... и паника, дикая паника... — она плачет.

Паника после наркоза? Возможно. Но в сочетании с тахикардией... Я смотрю на капельницу. Стандартный раствор. Но...

— Кто ставил систему после операции? — спрашиваю у медсестры.

— Я, — выходит вперёд Петрова. Она бледная как мел. — Всё как положено...

— А перед подключением проверяла раствор? Не было ли в нём пузырьков, необычного цвета?

— Н-нет... Вроде нет...

Подхожу к стойке с капельницей, осторожно беру в руки пакет с физраствором. Присматриваюсь. У порта для введения лекарств, крошечный, почти невидимый след. Как будто туда вводили шприц. Не знаю, права я или нет. Действую методами мерзавки.

Медленно поворачиваюсь к Катерине, только что зашедшей в палату.

— Катерина Андреевна, я отправлю пакет с раствором на токсикологический анализ. А так же весь «парацетамол», что был в операционной. И принесите сюда историю болезни. Я хочу видеть ВСЕ назначения, сделанные вами и вашей ассистенткой за последние сутки.

В палате повисает мёртвая тишина. Все понимают, что происходит. С лица Катерины слетает маска спокойствия. Оно перекошено злостью.

— Вы что, обвиняете меня? — её голос дрожит от деланного негодования.

— Я требую расследования! — говорю ледяным тоном. — Потому что моя пациентка только что перенесла необъяснимый кардиологический криз. И я нашла следы вмешательства в её инфузионную систему. Это уже не моя паранойя, Катерина. Это уголовное дело!

— Не много ли вы на себя берёте?

— Ровно столько, что смогу унести!

Глаза змеи шарят по лицам в поиске поддержки. Она знает, что, если анализ что-то покажет, её карьере конец. Петрова делает шаг к двери, останавливаю её возгласом:

— Если выяснится, что вы сделали это, хоть и по приказу, вся вина ляжет на вас. Вы исполнитель. Но в любом случае, не хочу больше видеть вас на моих операциях! Никогда, слышите! Безмозглым марионеткам, как вы, в медицине нечего делать!

Алексей удивлённо переводит взгляд с одного лица на другое. С жалостью смотрит на разревевшуюся Петрову.

— Ольга Викторовна, напрасно вы так. Ещё ничего не ясно... — «Миротворец» опять встаёт не на мою сторону!

Сжимаю зубы до скрежета. Рука чешется который день в желании залепить ему пощёчину. Отвечаю, с трудом сдерживая эмоции:

— Если вам что-то не ясно, то мне всё понятно. Я высказала своё мнение. Окажусь неправой, извинюсь за слова, но, слава Богу, мне не придётся приносить соболезнования родственникам пациентки. В отличие от анестезиолога, я провела операцию на высочайшем уровне!

Выхожу из палаты, ощущая на спине ненавистные взгляды. Плевать! Пусть ненавидят меня и знают, что я им не по зубам.

Глава 7

Утром после субботней разборки я сижу в кабинете и буквально чувствую через стену на себе взгляды. Весть о том, что я послала Катерину к чёрту через голову Алексея, разлетелась мгновенно. Хирург распекает анестезиолога и заведующего отделением кардиохирургии на глазах у персонала. Даже его жене такое непозволительно. Теперь меня обсуждают не как жертву измены, а как «стерву, готовую рвать и метать». Впрочем, это даже лучше. Страх — неплохая замена уважению. По крайней мере, от меня отстали с глупыми соболезняющими вопросами и сочувствующими взглядами.

Но работа не ждёт. У меня на руках — рентгеновский снимок со сложным случаем. Пожилая женщина, Вера Степановна Милонова, падение в гололёд. Сложный, оскольчатый перелом лучевой кости в «типичном месте», но со смещением, которое никак не желает фиксироваться обычной гипсовой повязкой. Кость хрупкая, остеопороз. Каждое движение — риск нового смещения. Нужно думать об операции с использованием специальной металлической конструкции. Но какой метод выбрать? Классическая пластина может не прижиться, давить. А мне хочется дать ей шанс на быстрое восстановление, чтобы женщина могла хоть как-то себя обслуживать.

Перебираю распечатки статей, учебники. Всё не то. Всё устаревшие или слишком рискованные методы. Откидываюсь на спинку стула, закрываю глаза. Усталость давит виски. Нужно верное решение, а я его не вижу.

Решаю пойти на обход, чтобы отвлечься. Возвращаюсь через час. Сажусь за стол — и сразу замечаю, что папки в ящике сдвинуты. А сверху, на самом виду, лежит стопка свежих, только что распечатанных листов.

Настораживаюсь. Кто мог зайти? Я медленно вытаскиваю листы.

Статья. На английском. Из последнего номера специализированного журнала. Громкий заголовок бросается в глаза.

У меня перехватывает дыхание. Это именно то, над чем я билась. Быстро пролистываю. Графики, схемы, фотографии этапов операции. Детальное описание техники. Результаты: штифт даёт меньше осложнений, раннюю мобилизацию, лучшую функциональность. Именно то, что нужно моей Вере Степановне.

Кто? Оглядываю кабинет, словно таинственный визитёр до сих пор находится в комнате. Вопросы взрывают мозг. Кто знает о предстоящей операции и думает так же, как я? Кто мог это подбросить конспект с решением? На первой странице нет ни пометок, ни имён. Только аккуратный чёрный шрифт.

Поднимаю глаза и смотрю на дверь. Она прикрыта. В коридоре слышны шаги, голоса. Кто-то из санитаров провозит мимо каталку. Это сделал кто-то, кто слышал, как я сегодня утром на планёрке кратко докладывала об этом случае. Высоккоквалифицированный врач, имеющий доступ к свежим зарубежным журналам, хорошо владеющий английским языком. И кто... хочет помочь, не афишируя этого.

В голове возникает только одно имя. Хирург Дмитрий Орлов. Он был на той планёрке. Молча слушал, кивал. Он сам «ходячий архив» новых методик. И он тот, кто неделю назад поддержал меня на консилиуме сухими, профессиональными аргументами. А в субботу следил за моей операцией. Пусть фыркает через губу при общении, но уверена, я зацепила его желанием вводить новые методы и отсутствием боязни рискованных операций. Я не статист. И в клинике есть ещё такие, как я.

Сердце ёкает. Не от волнения. От осознания, что в этих стенах, где каждый готов тебя съесть или над тобой посмеяться, есть тот, кто действует. Молча. Без слов.

Несу статью на консилиум по Вере Степановне. Показываю данные. Говорю о штифте. Заведующий отделением, изучив материалы, хмурится, но соглашается: «Новое слово. Рискованно. Но если есть хорошая теоретическая база... Кто будет оперировать?»

— Я, — говорю твёрдо. — Я изучу методику досконально.

Уголки губ «звезды» клиники ползут вверх в снисходительной ухмылке. Принимаю это за одобрение, и не только я.

— Ладно, Захарова. Раз настолько уверена, действуй. Но, если ошибёшься — ответишь! Орлов будет на подстраховке как консультант? — спрашивает заведующий.

Я киваю. Всё решено, несмотря на вздёрнутые брови Дмитрия. Он не сказал «да», но и не произнёс «нет»!

Два дня уходят на подготовку. Я изучаю статью буквально наизусть, смотрю видеооперации из интернета. Заказываю штифт. И всё это время ловлю на себе взгляд Орлова. В коридоре, в столовой. Он никогда не заговаривает первым. Ещё бы... Кто я такая, чтоб удостаиваться его высочайшего внимания? Просто, встречаясь взглядом, едва заметно кивает, как будто проверяя: «Готова?» И я в ответ киваю: «Да». Ни одного слова. Только безмолвный диалог.

День операции. Вера Степановна напугана. Я держу её за руку перед наркозом.

— Всё будет хорошо. Мы всё продумали. Не переживайте.

— Верю вам, доктор...

Она засыпает. Я мою руки, вхожу в операционную. И вижу его. Дмитрий уже здесь, стоит за стеклом, смотрит на мониторы, которые настраивает медсестра.

— Я буду наблюдать, — говорит он без предисловий. — Если возникнут вопросы по ходу — спрашивай. Надеюсь, руки у тебя растут из правильного места?!

Обижаться не на что. Это обычное отношение Орлова к коллегам. Его присутствие не давит, а добавляет уверенности. Я киваю. Начинаю.

Всё идёт по протоколу. Руки помнят каждое движение из видео, каждую строчку статьи. Но теория — это одно. Практика — другое. В какой-то момент не могу идеально провести направляющую спицу. Она чуть отклоняется. Чувствую, как на лбу выступает пот. Ещё миллиметр — и можно повредить сухожилие.

Глава 8

Никакой паники. Включаю мозг и в это время получаю подсказку:

— Спицу на два миллиметра к тылу, — раздаётся заносчивый голос у меня за спиной. Орлов видит это на экране флюороскопа, который стоит рядом. — И меньше дави. Кость рыхлая, продавишь. Без нервов! Взялась — делай.

Грубый окрик заставляет ещё сконцентрироваться. Следую его инструкции. Спица встаёт идеально. Перевожу дух. Дальше — как по маслу. Установка штифта, фиксация. Всё чисто! Устранение смещения. Кровопотери — минимум.

Накладываю последние швы, чувствую, как с плеч спадает огромная тяжесть. Получается. Получилось!

Не ухожу. Дожидаюсь в послеоперационной, когда Вера Степановна приходит в себя. Сломанная рука зафиксирована не громоздкой гипсовой повязкой, а лёгкой пластиковой шиной. Можно двигать пальцами. Она слабо улыбается. Лучшая награда для меня, хирурга, взявшего очередную личную вершину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.